

И. Л. Манькова

СИБИРСКИЙ АРХИЕПИСКОП СИМЕОН И ТОБОЛЬСКИЕ ВОЕВОДЫ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В СВЕТЕ ТЕОРИИ КОНФЛИКТА*

Теоретические подходы и источники

Теория конфликтов появилась в результате поисков новых моделей объяснения процесса развития общества. В конце XIX — первой половине XX вв. в европейской социологии возникло несколько направлений в интерпретации природы конфликта и его социальной роли.¹ Всплеск теоретической мысли в этой области отмечается на рубеже 1950–1960-х гг., когда в противовес доминировавшему тогда функционализму, предпочитавшему унитарную бесконфликтную концепцию общества, были предложены разнообразные конфликтные схемы социальной динамики. Значительный вклад в развитие теории социального конфликта внесли Л. Козер и Р. Дарендорф.²

Льюис Козер является родоначальником концепции так называемого конфликтного функционализма. Критикуя функционализм за недооценку значения конфликта, он обращает внимание на «интегративные и «адаптивные» функции конфликта в социальных системах», отмечая, что даже открытый конфликт при определенных условиях содействует сохранению жизненности и устойчивости социальной организации.³

Концепция Ральфа Дарендорфа, так называемая «диалектическая теория конфликта», основывается на идеях о том, что конфликт является продуктом внутренней жизни общества и что «общественный порядок» поддерживается благодаря процессам, создающим «отношения авторитета» в любой социальной группе.

¹ Подробнее об этом см.: Цыбульская М. В., Яхонтова Е. С. Конфликтология. М., 2004. С. 5–17.

² Подробный анализ, критику и сопоставление их взглядов см.: Тернер Дж. Структура социологической теории. М., 1985. С. 141–218.

³ Там же. С. 161, 162.

Манькова Ирина Леонидовна — к.и.н., заместитель директора Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: ilman.08@mail.ru

* Данное исследование проведено при поддержке федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры для инновационной России» (госконтракт № 14.740.11.0209 «Человек в условиях социально-культурных трансформаций российского общества в XVII–XX вв.»)

Соответственно, источник основного конфликта — распределение власти и авторитета⁴.

Большинство теоретиков в области конфликтологии сходятся во мнении, что для сложных обществ характерно сосуществование множества интересов и конфликтов, представляющих собой некий уравнивающий механизм, который препятствует нестабильности.⁵

Примером верификации основных положений теории конфликта на историческом материале может служить исследование крестьянской общины, проведенное Н. В. Соколовой.⁶ В нашем случае предпринимается попытка апробировать идеи конфликтологии на истории конфликта представителей церковной и светской власти регионального уровня эпохи позднего средневековья, а именно архиепископа Сибирского и Тобольского Симеона и тобольских воевод. В качестве отправной методологической точки мы используем понятие «конфликт», трактуемое как «столкновение противоположно направленных целей, интересов, позиций, мнений или взглядов оппонентов, или субъектов взаимодействия».⁷

В XVII в. конфликты между сибирскими архиереями и представителями воеводской администрации были скорее обычным явлением, чем редкостью.⁸ Однако ситуация, когда архиепископ самовольно покидает кафедру и едет «искать правду» в Москву (как это сделал Симеон), была экстраординарным событием. Поэтому на нее и обратил внимание такой знаток сибирской истории, как Н. Н. Оглоблин.⁹ Эта тема достаточно хорошо обеспечена

⁴ Там же. С. 144.

⁵ См.: Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. С. Социологический словарь. М., 2004. С. 209.

⁶ Соколова Н. В. Крестьянская община сквозь призму «теории конфликта»: источниковедческий аспект (на материалах монастырской деревни Центра России XVII — середины XVIII в.) // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI в. Источники и методы исследования: XXXII сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: тез. докл. и сообщ. М., 2010. С. 33–35.

⁷ WIKIPEDIA: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>.

⁸ См.: Буцинский П. Сочинения: 2 т. Тюмень, 1999. С. 199–310; Тобольский архиерейский дом в XVII веке. Новосибирск, 1994.

⁹ Оглоблин Н. Н. Дело о самовольном приезде в Москву тобольского архиепископа Симеона в 1661 году (Очерк из жизни XVII в.) // Русская старина. 1893. № 10. С. 162–184.

историческими источниками из фонда Сибирского приказа (РГАДА). Значительный комплекс документов из этого фонда, отражающих эпистолярное наследие архиепископа Симеона, был опубликован Е. К. Ромодановской и О. Д. Журавель.¹⁰ Наряду с этими материалами нами были использованы архивные источники, еще не введенные в научный оборот.

Участники конфликта

При характеристике участников конфликта, помимо биографических данных, важно выяснить их устремления и цели, стратегии и тактику их поведения, а также то, как они оценивают друг друга. Следует обратить внимание и на их ресурсы, которые могут быть материальными, идеологическими и политическими.

Первая сторона конфликта. Сибирский архиепископ Симеон занимал Тобольскую кафедру с 1651 по 1664 г.¹¹ Он был постриженником Макариевского Желтоводского монастыря, до назначения в Сибирь служил игуменом в Пафнутиевом Боровском монастыре. В марте 1651 г., согласно выбору освященного собора и по благословению патриарха Иосифа, царским указом Симеон был поставлен в архиепископы Сибирские и Тобольские. 21 декабря 1651 г. новый сибирский владыка начал свое служение в Тобольске. Конечно, за 30 лет существования Сибирской епархии был накоплен определенный опыт взаимоотношений светской и духовной властей, но появление на исторической сцене новых лиц вносило коррективы в отработанный десятилетиями алгоритм отношений.

Едва получив из рук патриарха архиерейскую митру, Симеон обратился к царю Алексею Михайловичу с челобитной: «И слух меня, богомолца твоего государева, дошел, что в сибирских городех твои государевы воеводы и приказные люди во всякие наши святительские церковные и духовные дела и в суды вступаютца и церковников, попов, и дьяконов, и дьячков, и пономарей, и всяких церковных причетников к твоему государеву делу ко всякому и к писму от твоего царьского богомолья, от церк-

вей силно емлют. И во всем их судят, и смиряют, и от церквей Божиих отставляивают, и с попов скуфьи снимают, и в тюрьму сажают, и батоги бьют, и ослопьем побивают».¹² Далее он отмечал, что его предшественники обращались к уездным воеводам с просьбой не вмешиваться в сферу их деятельности, однако «воеводы и приказные люди то наше к ним писмо не слушают, и презирают, и чинятся во всем силны».¹³ Таким образом, еще не имея опыта личного общения с сибирскими светскими властями, архиепископ Симеон заранее стремился заручиться своего рода охранной грамотой, фиксировавшей царское запрещение воеводам и приказным людям «во всякие наши святительские церковные и духовные дела и суды вступатся и церковников всяких ведать, попов».

В апреле 1651 г. тобольским воеводам В. Б. Шереметеву и Т. Д. Лодыгину была отправлена грамота с предписанием торжественно встретить нового архиепископа, как встречали его предшественников. Эта мысль об отношении к Симеону как к прежним архиепископам неоднократно повторяется в документе. В нем была прописана идеальная схема отношений — «симфония» — светской и церковной власти: «И как Симеон учнет в дому Софии премудрости Божии быть и вы б его богомольца нашего почитали как прежних архиепископов и о наших делах, о чем буде доведетца по нашему указу, с ним советовались, и в духовные ево архиепископли ни в какие дела не вступались, и сибирским бы есте всяким людем по тому ж ево велели почитати во всем же, как и прежних архиепископов почитали, что б ему богомольцу нашему ни в чем ни от кого никакова бесчестья не бывало».¹⁴

В этом документе были сформулированы три базовых принципа выстраивания отношений тобольских воевод с архиепископами — почитать и не бесчестить духовное лицо, советоваться с ним (если царь укажет), не вмешиваться в духовные дела (церковное и монастырское строительство, руководство духовенством и ответственность за него, духовный суд). В компетенцию духовного суда входил суд над церковнослужителями (за исключением случаев совершения ими уголовных преступле-

¹⁰ Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века. Новосибирск, 2001. С. 289–321, 395–417; Ромодановская Е. К. Опись имущества софийского дома при архиепископе Симеоне (1653 г.) // Археографические исследования отечественной истории: текст источника в литературных и общественных связях. Новосибирск, 2009. С. 177–187.

¹¹ В феврале 1663 г. Симеон уехал в Москву и обратно уже не вернулся, но до 1664 г. формально оставался сибирским архиепископом.

¹² Литературные памятники... С. 288–290.

¹³ Там же.

¹⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 400. Л. 20. С текстом этой грамоты дословно совпадает текст грамоты, посланной в связи с поставлением сибирским архиепископом Корнилия в 1664 г. (Там же. Д. 119. Л. 32–33).

ний) и над светскими лицами, совершившими духовные преступления. Таким образом, очерчивался и круг компетенции архиепископа. За его границами осталась еще одна важная функция архиерея, которая вытекала из его христианского долга печалования о своей пастве. Ее суть Симеон формулировал согласно правилам святых отцов: «...епископом велено беспомощным помогать и о всяких делах указано сыскивать».¹⁵ Когда его конфликт с тобольскими воеводами обострился, а позиция центральной власти была не ясна, Симеон составил по этому поводу подборку цитат из постановлений священных соборов и сочинений отцов церкви. Кроме развития темы обязательной помощи всем страждущим, приходящим в церковь, он привел цитату из 94-го правила Карфагенского собора, явно адресованную царю, о том, что благочестивые и воспитанные в вере цари должны помогать церквям, защищать от еретиков и «безчинных» людей.¹⁶

Политическим ресурсом сибирского владыки можно считать благосклонность к нему царя и патриарха. Однако отношения Симеона с высшими властями не всегда были безоблачными. Архиепископ Симеон участвовал в Московском освященном соборе 1654 г., который принял судьбоносные решения для русской православной церкви, утвердив реформы патриарха Никона. По свидетельству видного деятеля раскола, ссыльного патриаршего подьяка Федора Трофимова, вернувшись из Москвы, архиепископ с особым усердием начал проводить церковные нововведения в жизнь.¹⁷ Однако за какие-то проступки (возможно, связанные с проведением в жизнь церковных нововведений) в конце 1657 г. сибирский владыка попал на год под запрещение патриарха. Лишь 13 декабря 1658 г. он получил патриаршую грамоту, разрешавшую ему служение литургии.¹⁸

Архиепископ Симеон располагал и немалыми материальными ресурсами: к тому времени Тобольский архиерейский дом обладал значительным хозяйством. Так, в 1651 г. его вотчины дали более 4 100 четей хлеба.¹⁹

Вторая сторона конфликта. Архиерейское служение Симеона происходило при четырех воеводах. Он прибыл в Тобольск в конце декабря 1651 г. при стольнике В. Б. Шереметеве, который в феврале 1652 г., «не дождавсь перемены», покинул Сибирь.²⁰ В мае того же года в Тобольск на воеводство прибыли князь В. И. Хилков и Б. Ф. Болтин, а с ними и новые приказные люди.

Князь и боярин Василий Иванович Хилков был воеводой в Тобольске до августа 1656 г. О нем мало что известно. Его служба в Сибири не отмечена чем-либо примечательным, разве что тем, что в его доме укрывался опальный протопоп Аввакум, спасаясь от преследований архиерейского дьяка Ивана Струны (Мильзина) с компанией. Позже протопоп вспоминал трогательную историю, как княгиня прятала его в сундук, приговаривая: «Я-де, батюшко, нат тобою сяду, как-де придут тебя искать к нам».²¹ По свидетельству Аввакума, «воевода от них, мятежников, боялся, лишю плачет, на меня глядя».²² Очевидно, В. И. Хилков имел мягкий характер, и его в городе не боялись.

Прибывший ему на смену в августе 1656 г. стольник князь Алексей Иванович Буйносов-Ростовский был человеком другого склада. Его род значительно поднялся при царе Василии Шуйском. С 1640 г. он служил при царском дворе: участвовал в военных походах вместе с царем Алексеем Михайловичем, выполнял его поручения. В Тобольске Алексей Иванович прослужил три года. В 1659 г. он был отозван в Москву и вскоре отправлен воеводой в Тулу, где пробыл всего полгода. Больше царь не давал ему каких-либо серьезных поручений.²³

Судя по поведению на воеводстве в Тобольске, А. И. Буйносов-Ростовский был человек грубый, вздорный и с непомерной гордыней. Его амбиции ярко характеризует эпизод, приведенный в извете сына боярского Макария Негодяева. В 1659 г. «после Рождества Христова он ж, князь Алексей, пьючи у себя в дому, говорил тем людем, хто у него пили: “Я де Христос, а вы де ученицы, возляжем на вечере. А та де речь сирийским языком Христос, а словенским царь и помазанник”».²⁴ В челобит-

¹⁵ Литературные памятники. С. 417.

¹⁶ Там же. С. 320.

¹⁷ Шашков А. Т. Образ Богородицы в религиозно-нравственных представлениях сибиряков XVII в. // Вестн. музея «Невьянская икона». Екатеринбург, 2002. Вып. I. С. 197.

¹⁸ Сибирский летописный свод. Головинская редакция // Полное собрание русских летописей. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиловской летописи. М., 1987. С. 204.

¹⁹ Тобольский архиерейский дом... С. 33.

²⁰ Сибирский летописный свод. Книга записная // Полное собрание русских летописей. Т. 36. С. 157.

²¹ Житие протопопы Аввакума. Житие инока Епифания. Житие боярыни Морозовой. СПб., 1994. С. 17.

²² Там же.

²³ Буйносов-Ростовский Алексей Иванович // Биография: http://www.biografija.ru/show_bio.aspx?id=13813.

²⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 582. Л. 3.

ной патриарху Никону архиепископ Симеон так характеризовал воеводу: «...а бывает по вся дни безпрестани пьян и никогда отнюдь не просыпаецца, и делает своим пьяным умом, а не трезвым».²⁵

Политическим ресурсом А. И. Буйносова-Ростовского были его родственные связи в Москве.

Князь и боярин Иван Андреевич Хилков (Большой) воеводствовал в Тобольске с мая 1659 г. по май 1664 г. Это был опытный администратор: он уже служил воеводой в Пскове (1655–1656) и Юрьеве-Литовском (1656–1658). После Тобольска он вновь управлял Псковом (1665), позднее Астраханью (1666–1668).²⁶ На период его пребывания в Тобольске пришлось формирование полков иноземного строя, крупное антирусское, так называемое башкирское, восстание на территории Западной Сибири, массовый вывод крестьян из архиерейских и монастырских вотчин. Он считался современниками одним из самых успешных тобольских воевод, кто на этом посту «учинил государеву прибыль». Так, за годы его правления в Тобольском уезде прибавилось 604 плательщика ясака, было заведено 3 новых слободы, в которых поселено 236 человек, «вновь прибавлено на старые слободы» более 203 десятины пашни в одном поле, что позволило получить дополнительно 5 408 четей ржи и овса.²⁷ Существует мнение, что он пользовался особым доверием царя, потому что не брал взяток. Это и было его политическим ресурсом.

Генезис конфликта

1652 — август 1656 гг. Судя по сохранившимся документам, первые два года пребывания в Тобольске архиепископа Симеона и воеводы Василия Хилкова прошли относительно мирно. Оба только начинали осваиваться на новом месте. Одной из первоочередных задач нового архиепископа было наведение порядка в хозяйстве Тобольского архиерейского дома, который почти полтора года был без архиерейского управления.²⁸ Симеон энергично взялся за решение вопросов получения казен-

ного денежного содержания, которое не было выдано полностью еще за предыдущий год, а также стал добиваться увеличения поставок церковного вина и ладана. По этим вопросам шла активная переписка с Сибирским приказом, потому что без указаний из Москвы тобольские воеводы не предпринимали требуемых действий.²⁹ По царским же указам ситуации довольно быстро разрешались.

В то же время надо было наводить порядок в церковных делах. На протяжении всего своего служения в Сибири Симеон решительно отстаивал свое право «ведать» черное и белое духовенство, порой стремясь расширить сферу применения права за счет сокращения полномочий светской власти. Так, в 1653 — начале 1654 гг. он написал несколько челобитных патриарху Никону, добиваясь того, чтобы право наказания духовенства за ошибки в произношении царского титула и имени было передано из ведения воеводской администрации епархиальным властям, потому что, когда воеводы принародно бьют шелепами провинившихся попов и дьяконов, это «священническому чину поругательно и гораздо зазорно».³⁰

Со времен первых сибирских архиепископов в Москву регулярно шли сообщения о многочисленных нарушениях христианских норм жизни среди населения Сибири. (Это не было региональной спецификой: факты нравственных «нестроений» встречались повсеместно.) Прожив год в Сибири, архиепископ Симеон подал подобную челобитную царю Алексею Михайловичу (она была принята в Сибирском приказе 16 февраля 1653 г.).³¹ Владыка сетовал на то, что он не может бороться с этими «беззакониями», поскольку у него нет на то юридических оснований. «Бесчинники» же «во всем ставятца ему противны и отказывают», заявляя, что «мы де холопы государевы, а архиепископу до нас дела нет». Симеон знал, что у новгородского и казанского митрополитов были указные государевы грамоты, которые предписывали им «те пребеззаконные всякие дела ведать и унимать». Он просил дать аналогичный документ, который бы позволил ему «от всяких пребеззаконных дел православных христиан унимать и исправлять». Последнее слово являлось весьма существенным смысловым дополнением: одно дело — «унимать»

²⁵ Литературные памятники... С. 314.

²⁶ Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902. С. 505.

²⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 569.

²⁸ Иван Мильзин был обвинен Симеоном в хищении средств. Этот конфликт получил бурное развитие и был использован тобольскими воеводами в противостоянии с Симеоном (см.: Литературные памятники... С. 291–295).

²⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 569. Л. 23–26, 29, 30, 40 и др.

³⁰ Там же. С. 306.

³¹ Там же. С. 406.

проповедью, душеспасительными беседами, совсем другое — «исправлять», т. е. наказывать, что было уже прерогативой светской власти. Таким образом, Симеон опять ставил вопрос о расширении своих властных полномочий.

Дело в том, что еще в июле 1649 г. тобольским воеводам была прислана царская грамота по поводу указа 1648 г. о борьбе с дохристианскими верованиями, суевериями, чародействами, скоморошеством, «мятежными бесовскими действиями» и прочими беззакониями.³² Основным видом наказания за эти преступления было битье батогами; если же это не помогало, то следовало доставлять ослушников с приставами в уездный город и сообщать о них воеводе.

В июле 1653 г. в ответ на челобитную архиепископа Симеона последовала царская грамота.³³ На наш взгляд, в ней были объединены положения из предшествовавших документов (из окружной грамоты патриарха Иосифа, появившейся накануне Великого поста 1646 г., в которой говорилось, в частности, о поведении мирян в церкви, из уложения от 17 марта 1647 г. о правилах торговли в воскресные и праздничные дни и из упоминавшегося выше царского указа 1648 г. о борьбе с беззакониями). Согласно этой грамоте, Симеон мог давать распоряжения «у всяких чинов людей» изымать, ломать и жечь «бесовский» инвентарь, предупреждать о жестоком царском наказании «за матерную брань, за брдобритие и за всякие глумы и игры, и медведи будет, и сучек плясовых, и всякого бесчинства». В качестве жестокого наказания называлась ссылка «в дальние и окраинные наши города». Также преосвященному давалось право чинить «наказанье по своему святительскому рассмотренью, где объявитца такое дело». Если первое наказание не возымело действия, то «безчинщиков» предписывалось смирать; на третий же раз непослушников следовало отсылать «в Тоболску в избу к стольнику и воеводам ко князю Василию Хилкову с товарищи и велети наказанье чинить по нашему указу — велети бить батоги без пощады и жестоко при многих людех, чтоб на то смотря иные наказались и от тово всякого бесчинства и игр унялись».³⁴ В отличие от грамоты 1649 г.,

в этом документе обращалось внимание на проведение объективного сыска по изветам о «безчинствах». Данная грамота свидетельствует о том, что центральная власть стремилась, с одной стороны, уважить архиепископа Симеона, поддержать его стремление вести борьбу за нравственность, но в то же время сохранить определенный баланс сил между церковной и светской властью, поручив им вести эту борьбу совместно.

Помимо ведения духовных дел, архиепископ Симеон считал своим долгом помогать нуждающимся, когда они просят о помощи. Как правило, к архиепископу и священникам люди обращались в том случае, если они не рассчитывали решить свои проблемы с помощью светских властей или жаловались на их представителей. Эта функция не была прописана ни в каких регламентирующих документах. Однако негласно центральная власть признавала за духовенством право на «печалование» о своей пастве и не препятствовала этому, создавая таким образом дихотомию власти, представленной в виде светской и церковной властных структур, что позволяло в определенной мере удерживать социальное равновесие в сибирском обществе.

В фондах Сибирского приказа сохранились челобитные жителей Сибири царю, не касавшиеся духовных вопросов, но поданные не в воеводскую канцелярию, а архиепископу Симеону, чтобы тот передал их в Москву. В столицу челобитные отправлялись с сопроводительными отписками архиепископа. Иногда в них лишь констатировался факт отправки, иногда же Симеон добавлял краткий пересказ челобитных, как бы подтверждая бедственность ситуации. Со временем преосвященный Симеон уже не ограничивался только передачей челобитных, он стал активным ходатаем за наиболее обездоленных мирян перед государем.³⁵

Тобольское воеводство стольника Василия Хилкова не отмечено открытым противостоянием архиепископу Симеону. Судя по всему, пока был выдержан баланс интересов и, в целом, стороны не преступали границ своих сфер деятельности. Хотя поначалу Симеон и заявлял, что «воеводы вступаются в духовные дела», но в основном эти заявления носили декларативный характер и не содержали конкретных обвинений.

³² Содержание этого указа известно из грамоты верхотурского воеводы Р. В. Всеволожского приказчику Ирбитской слободы Г. Барькину от 13 декабря 1649 г. (Шипонко В. Пермская летопись. Период III (с 1645–1676). Пермь, 1884. С. 118–121).

³³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 400. Л. 1–7.

³⁴ Там же. Л. 6.

³⁵ См.: Литературные памятники... С. 298.

Август 1656 — май 1659 гг. В августе 1656 г. в Тобольск прибыл новый воевода — стольник князь Алексей Иванович Буйносов-Ростовский.

По свидетельству архиепископа Симеона, их неприязненные взаимоотношения с воеводой начали формироваться с первых дней его приезда в Сибирь. И виновником этого был новый воевода, который нарушил существовавший статус-кво светской и церковной власти в Сибири. Непосредственным поводом для конфликта стало жестокое избиевание Буйносовым-Ростовским и его людьми архиерейского сына боярского Томила Чулкова. Их пути пересеклись в Тюмени, где Томила был на десятине (т. е. был послан архиепископом вести духовные дела), а воевода остановился, следуя к месту назначения в Тобольск. Причина вспышки гнева воеводы Симеону была не известна, по крайней мере так он писал в своей жалобе (возможно, лукавил). Но при этом владыка отметил, что Буйносов-Ростовский называл Чулкова «вором» и говорил ему: «Емлете де вы, воры, приметывающиеся в духовных делах, рублей по пятидесяти и болши. А у меня де вы забудете имать постолку».³⁶ (Возможно, воевода наказал десятильника по жалобе жителей Тюмени, пострадавших от поборов по духовным делам.) Любопытно, что, описывая эти события, Симеон обращал внимание не на незаконность наказания своего человека, а на то, что воевода при этом произносил оскорбительные слова в адрес архиепископа,³⁷ что свидетельствует о его уверенности в своей ненаказуемости.

С одной стороны, все дальнейшие действия воеводы были направлены на демонстрацию его силы и неограниченной власти. Но, с другой стороны, если не брать во внимание его дерзость, а порой и жестокость, в его поступках можно проследить определенную логику. Столкнувшись в Тюмени со злоупотреблениями десятильника, он, приехав в Тобольск, запретил населению подавать челобитные по духовным делам и без его ведома ходить на Софийский двор. По свидетельству Симеона, воевода «презрел» царский указ о даче приставов для сопровождения виновных по духовным делам на Софийский двор для следствия и наказания. Население перестало подавать друг на друга изветы в духовных делах, якобы «боячися ево, Алексеявы, угрозы».

Архиепископ вступил в переговоры с Буйносовым-Ростовским, стремясь восстановить прежний порядок, когда воеводы «не вступались в духовные дела» и «воли у архиепископа не отнимали». Но воевода считал, что архиепископ должен «знать одни церкви, а до города ему дела нет», т. е. все, что касается жителей города, должно находиться в ведении светской администрации. Поэтому он настаивал на таком порядке: прежде чем обвиняемого в духовном деле взять на Софийский двор, следует прислать воеводе память, в которой «объявить» духовное дело. Светская власть хотела контролировать эту сферу деятельности церкви, тем самым защищая население от злоупотреблений десятильников и архиерейских приказных людей. Как показала дальнейшая история, эти притязания светской администрации не были лишены оснований. Так, в конце XVII в. громкое дело о злоупотреблениях сибирских десятильников привело к упразднению этого института.³⁸ С другой стороны, церковная власть опасалась, что нечистые на руку администраторы будут помогать преступникам по духовным делам уходить от ответственности. Очевидно, у Симеона были основания для таких подозрений. В результате предложение воеводы было отвергнуто сибирским пресвященным: он увидел в нем посягательство светской власти на его прерогативу, стремление ограничить его власть.

Далее началась «война компроматов». Симеон принимал изветы на воеводу,³⁹ а тот поддержал Ивана Мильзина и разрешил ему ехать в Москву с доносом патриарху Никону на владыку. Не известно, что сообщил бывший архиерейский дьяк патриарху, но Симеон попал в немилость: на год ему запретили служить литургию. Тем временем у Буйносова-Ростовского крайне обострились отношения со служилым населением Тобольска. В течение 1658 г. на архиерейский двор приходили «по многие времена» служилые люди и жаловались на воеводу «в его обиде и в налогах», просили отпустить их в Москву для челобитья. В конце 1658 г. владыка выдал им отпускную

³⁸ См.: Покровский Н. Н. Сибирское дело о десятильниках // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1986. С. 146–189.

³⁹ Например, в извете М. Негодяева описывалось, как воевода спаивал послов, выбирал для себя лучших лошадей из табунов, пригнанных калмыками для государя, за взятки скрывал уголовные преступления (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 582. Л. 2–4).

³⁶ Там же. С. 312.

³⁷ Там же.

грамоту.⁴⁰ В феврале 1659 г. А. И. Буйносова-Ростовского отозвали в Москву.

Таким образом, в этот период наблюдается уже открытое противостояние архиепископа и воеводы. Крайне напряженная социальная обстановка в Тобольске была разряжена центральной властью путем смещения властобивого администратора, и не без помощи архиепископа.

Май 1659 — февраль 1663 гг. На смену Буйносову-Ростовскому в Тобольск был прислан князь Иван Андреевич Хилков. Н. Н. Оглоблиным был выявлен и детально описан значительный комплекс документов, связанных с противостоянием архиепископа Симеона и воеводы И. А. Хилкова. Поэтому выделим лишь основные векторы его развития и попытаемся выяснить их причины.

Необходимо отметить, что в это время назревавший давно конфликт между царем Алексеем Михайловичем и патриархом Никоном привел к разрыву их отношений. Летом 1658 г. Никон покинул Москву, сменив патриаршие одежды на монашеские. Это противостояние приобрело форму идейного спора о соотношении светской и церковной власти. На наш взгляд, история противостояния сибирского архиерея и тобольского воеводы была региональной моделью столичных событий. Здесь существуют явные параллели: это касается и сути конфликта (границы между светской и церковной властью), и чисто внешних проявлений (например, отъезд Симеона без царского указа в Москву в августе 1660 г.⁴¹).

Итак, одним из направлений противостояния архиепископа и воеводы И. Хилкова была проблема, которая обозначилась еще при Буйносове-Ростовском, — контроль светской властью сферы духовных дел. В 1659 г. И. Хилков поставил перед царем вопрос о защите мирян от архиерейских приказных людей, которые могли за взятку или по «недружбе» возбудить духовное дело.⁴² Царь разрешил этот давний спор, приняв сторону светских администраторов. Согласно царскому указу 1659 г., обвиняемых в духовном деле необходимо было отправлять к архиепископу, «а без памяти-де, не

сослався с боярином и воеводы со кн. И. А. Хилковым с товарищи никаких людей в духовных делах не имать».⁴³ Архиепископ Симеон пытался оспорить этот царский указ, ссылаясь на прежние царские грамоты. Вопрос был вынесен на рассмотрение Боярской думы.

И. Хилков оказался более тонким политиком, чем Буйносов-Ростовский. Он не стал заниматься грубой демонстрацией своей силы, а пошел легитимным путем, выдвинув против архиепископа встречные обвинения, в частности в том, что тот вмешивается в «грацкие» дела («в разбойные и в татинные дела») и «за винопродавцев стоит», а также подговаривает мирян жаловаться на воеводу. Таким образом, уже не архиепископ выступал стороной обвинения, а воевода, и владыке пришлось лишь оправдываться.

Сохранилась оправдательная челобитная Симеона царю по поводу самовольного приезда в Москву в 1661 г. Первый ее сюжет — прием архиепископом челобитной пашенных крестьян с жалобой на воеводу, что он «наложил на них вновь прибавошныя болшия хлебныя оброки, и еже такой болшой хлебной оброк стал платить невмочь им. С того де прибавошного оброку их, пашенных крестьян, в день бьют на правеже великим правежем, а к ночи в тюрьму мечют».⁴⁴ Крестьяне просили у архиепископа заступничества, чтобы он поговорил с воеводой об уменьшении налогов. Напомним, что И. Хилков вошел в историю как один из успешных «государевых прибыльщиков»: именно за счет увеличения налогообложения крестьян при нем выросли поставки казенного хлеба. Вмешательство архиепископа затрудняло достижение этой цели, поэтому воевода стремился «нейтрализовать» его своей жалобой царю. Известно, что крестьянские миры пытались путем челобитья к государю добиться отмены увеличения десятинной пашни. Но эта челобитная вызвала только раздражение в верхах. Челобитчиков наказали битьем батогами.⁴⁵ Очевидно, и участие архиепископа в этом деле вызвало отрицательную реакцию царя.

На наш взгляд, подоплекой напряженности отношений архиепископа и воеводы было не только стремление архиепископа отстоять свое монопольное право на ведение духовных дел и помогать нуждающимся. Важное значение

⁴⁰ РГАДА. Ф. 214. Д. 521. Л. 153–155.

⁴¹ Сначала Симеон удалился в архиерейскую Усть-Ничинскую слободу и, переждав там осень, по зимнему пути он отправился в столицу (Сибирский летописный свод. Книга записная. С. 160). Зачем ем нужна была эта пауза? Возможно, подобно Никону он ожидал, что воевода придет к нему со смирением.

⁴² Оглоблин Н. Н. Указ. соч. С. 175, 176.

⁴³ Там же. С. 176.

⁴⁴ Литературные памятники... С. 316.

⁴⁵ См.: Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 48.

имела одна социально-экономическая проблема, которая и обострила ситуацию. Дело в том, что в 1659 г. вышел царский указ, предписывавший тобольской воеводской администрации провести ревизию архиерейских и монастырских вотчин и отписать на государя их земельные владения и крестьян, приобретенных после составления последних переписных книг. Трудно сказать, шла ли эта инициатива от столичных властей или от искателя государевой прибыли И. Хилкова. В Тобольском уезде исполнение приказа было организовано весьма оперативно, и архиерейский дом вместе с монастырями лишился значительного количества крестьян. Именно это обстоятельство, наряду со стремлением оправдаться перед государем по обвинениям И. Хилкова, и заставило архиепископа отправиться в Москву и добиваться аудиенции у царя.

Оправдательная челобитная Симеона содержит основательную аргументацию и цитаты из сочинений отцов церкви. Владыка скорее не оправдывается, а объясняет свои поступки, отмечая, что «...положено на нас бремя великое, и место пастырское держим, идеже нам поручено, и посреди мира живем и бываем, государь, многим до нас дело, а нам до них, а всякому не угодить. А еже нам всякому угрожать не в полезное, и мы будем подобны ослом безсловесным: кто ево взял, тот ево и повел. И то устроение не нашего чина».⁴⁶ Симеон стремился не просто к разграничению полномочий светской и духовной власти, а к паритету сторон, обвиняя воевод в том, что они «в чем со мною, богомолцем твоим, не спрашиваются и не советуют ни о каких градских делах, как оне хотят, так и живут. И как твою государеву далнюю отчину хотят, так и строят по своей воле».⁴⁷ Но на уровне центральной власти точка возврата к «симфонии» церковных и светских властей уже была пройдена, и строки из указа 1651 г. о совете воевод с архиепископом по поводу государственных дел не вспоминались.

В литературе существует мнение, что Симеон потерпел поражение в этом конфликте с И. Хилковым. В политическом плане это действительно так: он не смог добиться восстановления прежних границ своих полномочий по духовным делам, должен был ограничивать свое участие в «градских» делах. Но в отстаивании вотчинных прав церкви его поездка дала по-

ложительный результат: царскими указами в 1662 г. архиерейскому дому и монастырям были возвращены отобранные у них крестьяне.⁴⁸

Выводы

По мнению К. Боудинга, объектом конфликта могут быть материальная (ресурс), социальная (власть) или духовная (идея, норма, принцип) ценности, к обладанию или пользованию которыми стремятся оба оппонента. Чтобы стать объектом конфликта, ценность должна находиться на пересечении интересов различных социальных субъектов, стремящихся к контролю над ней.⁴⁹ В нашем случае объектом конфликта являлись все отмеченные К. Боудингом виды ценностей, но на разных его этапах их роль менялась. В отношениях архиепископа Симеона с воеводами В. Хилковым и А. Буйносовым-Ростовским доминировали столкновения на почве социальных ценностей, а именно разграничения пределов власти над сибирским сообществом. В противостоянии с воеводой И. Хилковым немаловажную роль стали играть вопросы церковной собственности. Духовная ценность (нормы христианской морали) выступала в качестве объекта конфликта на всех его этапах опосредованно, поскольку шла борьба за право определения виновности мирян в духовных делах.

Конфликт архиепископа и воевод развивался по нарастающей и достиг своего апогея в 1660 г. при воеводе И. Хилкове, когда Симеон из обвинителя превратился в обвиняемого. Основной причиной конфликта были противоположные взгляды сторон на свою роль (полномочия, функции, действия) и роль оппонента в обществе. В разрешении конфликта стороны апеллировали к верховной власти, которая выступала регулятором их отношений: от ее позиции зависел исход конфликта на том или ином этапе. В итоге в феврале 1663 г. Симеон, «на Москве будучи, сошел со своего святительского престола... смирения ради своего».⁵⁰ Если следовать мнению Р. Дарендорфа о том, что к объективной противоположности интересов приводят господство и подчинение, то в нашем случае в основе конфликта также лежала борьба за господство. Иллюстрируя идею Л. Козера об интегративных и адаптивных функциях конфликта, можно отметить, что конфликт

⁴⁶ Литературные памятники... С. 320.

⁴⁷ Там же. С. 321.

⁴⁸ См.: Шишонко В. Указ. соч. С. 706–711.

⁴⁹ См.: Соколова Н. В. Указ. соч. С. 34.

⁵⁰ Сибирский летописный свод. Книга записная. С. 161.

архиепископа Симеона и тобольских воевод способствовал утверждению новой модели отношений между церковью и светской властью, окончательно оформившейся в эпоху Петра I.

Ключевые слова: *Сибирь, Тобольск, архиепископ, воевода, церковная власть, светская власть, православие, конфликт*

Irina L. Mankova

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology,
Ural branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: *ilman.o8@mail.ru*

SIBERIAN ARCHDEACON SIMEON AND THE TOBOLSK VOIVODES:
AN ATTEMPT OF EMPIRICAL STUDY
WITHIN THE “THEORY OF CONFLICT” CONTEXT

The article presents an analysis of the relationship between the Siberian archdeacon Simeon and the Tobolsk Voivodes at the turn of the 50s–60s of the 17th century in the light of the “conflict theory”. The author has identified the reasons for the conflict which lay both in the political and the economic spheres. The author described the dynamics of the transformation of powers of the central authorities of the region under the pressure of secular administrators. The role of the sovereign power in conciliation of the conflict was also studied.

Key words: *Siberia, Tobolsk, the archbishop, the governor, church authority, the secular authorities, orthodoxy, conflict*

REFERENCES FOR CITATION DATABASE

- Aberkrombi N., Khill S., Ternier B. S. Moscow: Ekonomika, 2004, 250 p. (in Russ.).
- Aleksandrov V. A., Pokrovskiy N. N. Novosibirsk: Nauka, SO RAN, 1991, 401 p. (in Russ.).
- Butsin'skiy P. N. Tyumen: izd-vo Yu. Mandriki, Vol. 2, 1999, pp. 199–310. (in Russ.).
- Buynosov-Rostovskiy Aleksey Ivanovich. Biografiya* (Rostov-Buynosov Alexei Ivanovich. Biography). Available at: http://www.biografija.ru/show_bio.aspx?id=13813 (accessed 1 August 2012). (in Russ.).
- Literaturnye pamyatniki Tobolskogo arkhieyreyskogo doma XVII veka* (Literary monuments of Tobolsk bishop's house of the XVII century). Novosibirsk: Sibirskiy khronograf, 2001, 440 p. (in Russ.).
- Ogloblin N. N. *Russkaya starina* (Russian Antiquity), 1893, № 10, pp. 162–184. (in Russ.).
- Pokrovskiy N. N. *Novye materialy po istorii Sibiri dosovetskogo perioda: sb. nauch. tr.* (New materials on the history of pre-Soviet period in Siberia: collected papers). Novosibirsk: izd-vo “Nauka” SO, 1986, pp. 146–189. (in Russ.).
- Polnoe sobranie russkikh letopisey* (The complete collection of Russian chronicles). Moscow: Nauka, Vol. 36, part 1, 1987, 382 p. (in Russ.).
- Romodanovskaya Ye. K. *Arkheograficheskie issledovaniya otechestvennoy istorii: tekst istochnika v literaturnykh i obshchestvennykh svyazyakh: sb. nauch. tr.* (Archeographic study of national history: the source text in the literary and public relations: collected papers). Novosibirsk: izd-vo SO RAN, 2009, pp. 177–187. (in Russ.).
- Shashkov A. T. *Vestnik muzeya “Nevyanskaya ikona”: sb. nauch. tr.* (Bulletin of the Museum “Nevyansk icon”: collected papers). Ekaterinburg: izd-vo Ural. un-ta, Issue 1, 2002, pp. 184–205. (in Russ.).
- Shishonko V. Perm: tipografiya Gubernskoy Zemskoy Upravy, 1884, 1104 p. (in Russ.).
- Sokolova N. V. *Aktualnye problemy agrarnoy istorii Vostochnoy Yevropy X–XXI v. Istochniki i metody issledovaniya. XXXII sessiya simpoziuma po agrarnoy istorii Vostochnoy Yevropy. Tezisy dokladov i soobshcheniy* (Actual problems of the agrarian history of Eastern Europe, X–XXI century. Sources and methods. XXXII session of the Symposium on the agrarian history of Eastern Europe. Abstracts and reports). Moscow, 2010, pp. 33–35. (in Russ.).

Spiski gorodovykh vovod i drugikh lits vovodskago upravleniya Moskovskago gosudarstva XVII stoletiya (Governor Lists of policemen and other persons vovodskago Moskovskago control of the state of the XVII century). St. Petersburg: Tip. M. M. Stasyulevicha, 1902, 611 p. (in Russ.).

Terner Dzh. Moscow: Progress, 1985, 350 p. (in Russ.).

Tobolskiy arkhierейskiy dom v XVII veke (Tobolsk bishop's residence in the XVII century). Novosibirsk: Sibirskiy khronograf, 1994, 292 p. (in Russ.).

Tsybul'skaya M. V. Yakhontova E. C. Moscow: Moskovskiy mezhdunarodnyy institut ekonometriki, informatiki, finansov i prava, 2004, 100 p. (in Russ.).

WIKIPEDIA. Available at: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%CA%EE%ED%F4%EB%E8%EA%F2%EE%EB%EE%E3%E8%FF> (accessed 1 August 2012). (in Russ.).

Zhitie protopopa Avvakuma. Zhitie inoka Yepifaniya. Zhitie boyaryni Morozovoy (Life Avvakum. Life of the monk Epiphanius. Life boyar Morozov). St. Petersburg: "GLAGOL", 1994. 240 p. (in Russ.).